

Переводъ.

Докладчикъ-руководитель д-ръ Пейтельшмидтъ: Вопросъ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, заключается въ существенныхъ чертахъ въ слѣдующемъ: слѣдуетъ установить соотношеніе и представить краткій историческій обзоръ образования русскаго языка вообще, а его раздробленія на различныя нарѣчія и нынѣшнихъ отношеній между велико- и малорусскимъ, а въ особенности галицко-русскимъ языкомъ, въ частности. Прошу высказаться объ этомъ.

Экспертъ д-ръ Вондракъ: Вопросъ этотъ неоднократно разсматривался въ послѣднее время въ наукѣ. Лучше всего можно представить его съ помощью карты. Достаточно указать здѣсь на языковыя области. То, что отмѣчено зеленой краской, представляетъ русскую языковую область вообще. Одна часть зачерчена перпендикулярными зелеными линиями, другая горизонтальными, причемъ та часть, которая зачерчена перпендикулярными линиями, представляетъ малорусскую, рутенскую или южнорусскую языковую область. Вопросъ въ томъ, составляла-ли первоначально вся эта область одно цѣлое, употреблялся-ли здѣсь одинъ тождественный языкъ?

Тутъ расходятся мнѣнія. Большинство славистовъ утверждаетъ, что здѣсь дѣйствительно существовалъ единый языкъ, и они приводятъ цѣлый рядъ признаковъ, которые это доказываютъ на самомъ дѣлѣ. 1) Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ въ особенности привести такъ называемую группу *tert* и *tort*. Вотъ схема: *г* можетъ быть замѣнено посредствомъ *l*, а *t* посредствомъ каждой согласной, за исключеніемъ *j*. Когда эта группа появилась въ восточно-славянскомъ языкѣ, произошло измѣненіе, которое одинаково присуще цѣлой этой области и имѣетъ мѣсто только въ этой области, а больше нигдѣ. Напримѣръ: *Przemysł* звучитъ по русски *Перемышль*. Характеристической чертой является здѣсь то, что гласная остается передъ плавной; она не измѣняется. вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ плавной развертывается вторая, однозвучная съ пре-

дыдущей, гласная, такъ что получаютъ двѣ гласныя: **Перемышль**. То-же наблюдается и въ другихъ словахъ, напр., **голосъ**, въ малорусскомъ **голосъ**. Въ другихъ славянскихъ языкахъ этого нѣтъ, тамъ гласная переставляется. Въ западно-славянскихъ языкахъ имѣемъ тутъ *glas* (*hlas, glos*), въ южно-славянскомъ такъ-же само (*glas*). Гласная не осталась нигдѣ больше въ такомъ полнозвучномъ видѣ, только въ одной этой единоцѣльной области. Это такой характерный признакъ, который показываетъ безусловно, что всѣ эти племена жили когда-то въ тѣсной общности другъ съ другомъ и имѣли очевидно одинъ общій языкъ.

Кромѣ этого признака, существуютъ еще и другіе, напр., также замѣна глухихъ **ъ** и **ь**. Въ праславянскомъ языкѣ существовали двѣ глухія, которыя отличались своей краткостью. Обѣ были различны и различіе ихъ въ данныхъ областяхъ сохранилось еще въ томъ, что одна передается посредствомъ **о**, напр. **горло**, другая-же посредствомъ **е**, напр. **сердце**. Въ другихъ славянскихъ языкахъ этого нѣтъ. Эти послѣдніе производятъ это иначе; они развернули слоговое **г** и **л**, затѣмъ также сопроводительныя гласныя, какъ **передъ**, такъ и **послѣ** плавныхъ, — но подобно тому, какъ въ русской области, это здѣсь мѣста не имѣетъ. Дальше, напр., характерно отношеніе къ праславянскому **tj** и **dj**: праславянское **tj** переходитъ въ **ч**, а **dj** въ **ж**, напр. **хочу** и **урожень**. Въ частности, въ малорусскомъ языкѣ **передъ** это **ж** стало еще **д**, такъ что изъ **уроджень** получилось **уроджень**. Но это произошло уже позже подъ вліяніемъ тѣхъ формъ, въ которыхъ не послѣдовало замѣны. Въ болѣе древнихъ источникахъ **вздѣ** было только **ж**, какъ въ малорусскомъ, такъ и въ великорусскомъ языкѣ; оно присуще имъ въ одинаковой мѣрѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить удареніе. Удареніе тутъ замѣчательно. Какъ въ малорусскомъ, такъ и въ великорусскомъ языкѣ замѣчается передвижное удареніе, то есть, оно переносится въ различныхъ формахъ съ одного слога на другой. Въ малорусскомъ **водá** удареніе падаетъ на **а**, въ винит. падежѣ **вóду** удареніе перешло на **о**. Въ великорусскомъ языкѣ наблюдается то-же самое; удареніе осталось здѣсь такое-же, какъ было въ праславянскомъ языкѣ. Иногда здѣсь сохранилось праязыковое удареніе: **женá** или **жонá**, съ удареніемъ на **а**. Такъ было уже въ праязыкѣ, что удареніе падало на послѣдній слогъ, какъ и въ этимологически одинаковомъ греческомъ словѣ *γυνή*, гдѣ удареніе тоже падаетъ на послѣдній слогъ. Здѣсь ю дается то-же самое.

Вотъ прежде всего то, что касается звуковой стороны вопроса. Существуютъ еще и другіе признаки, которые точно такъ-же говорятъ въ пользу единства, но они должны быть представлены письменно, чтобы ихъ можно было въ точности уразумѣть. Совершенно такъ-же и словесный матеріалъ данной области въ значительной степени одинъ и тотъ-же, причемъ обнаруживаются весьма замѣчательныя явленія, доказывающія это близкое родство. Напр., слово „40“ въ другихъ славянскихъ языкахъ выражается посредствомъ выраженія „4 десятка“ — četyre (i) desęte (i). Здѣсь этого нѣтъ; какъ въ малорусскомъ, такъ и въ великорусскомъ языкѣ говорится сорокъ, очевидно — заимствованіе изъ греческаго. Дальнѣйшее такое образование — „90“. Тамъ говорятъ „9 десятковъ“, а въ малорусскомъ и великорусскомъ — девяносто. Это весьма замѣчательное образование, отличающееся отъ всѣхъ другихъ славянскихъ языковъ.

Но эта область, бывшая первоначально единой, уже рано раскололась діалектически на различныя части. Книжный языкъ, который здѣсь употреблялся, былъ прежде всего церковно-славянскій. Христіанство пришло съ юга, а съ нимъ и церковно-славянщина, — и на этомъ языкѣ затѣмъ и писалось все на Руси. Но скоро стали проникать въ эти памятники и мѣстныя черты. Имѣемъ памятники изъ XI вѣка, напр., Остромирово Евангеліе 1056 — 1057 г., затѣмъ Изборникъ 1073 г. и памятники 90-хъ годовъ. Въ этихъ памятникахъ, языкъ которыхъ былъ церковно-славянскій, находятся черты, обнаруживающія русское происхожденіе, а именно, прежде всего та группа, о которой было упомянуто раньше; напр., вмѣсто церковно-славянскаго *trat* изъ *tort*, мы встрѣчаемъ здѣсь неоднократно *torot*, а *teret* вмѣсто *tert*. Имѣются здѣсь и другіе признаки: напр., *ѣ* замѣняется уже рано посредствомъ *і*, что является характернымъ признакомъ малорусскаго или южнорусскаго элемента. Это проявляется прежде всего на данной почвѣ. Но также и въ одной части великорусской области встрѣчается тотъ-же самый звуковой процессъ, который повторяется здѣсь.

Съ теченіемъ времени это противорѣчіе между отдѣльными нарѣчійми развивалось все сильнѣе, — и это отнесется въ особенности къ малорусскому нарѣчію. Этому содѣйствовали различныя политическія обстоятельства, какъ, напр., владычество Польши, которое продолжалось значительное время. Если посмотрѣть на карту, то можно замѣтить также и на малорусской языковой территоріи громадное количество желтыхъ пятенъ. Это — просто польскія

колоніи или большія помѣщичьи владѣнія; они такъ многочисленны, что напоминаютъ усѣянное звѣздами небо. Это не осталось, конечно, безъ вліянія тоже и въ отношеніи языка, и мы видимъ, что именно въ малорусской области словесный составъ не остался ненарушеннымъ. Въ малорусскомъ языкѣ имѣется множество словъ, которыя вовсе не встрѣчаются въ великорусскомъ, или попадаютъ въ немъ лишь рѣдко, а должны быть отнесены только къ вліянію польскаго языка. Конечно, обязательно можно замѣтить при этомъ, что они появляются гораздо позже, чѣмъ вполнѣ понятно. Какъ интересный примѣръ, могу привести слово панъ — „господинъ“, которое появляется въ малорусскихъ памятникахъ съ XVI в.; но это же слово появляется также въ нѣкоторыхъ великорусскихъ памятникахъ, такъ какъ польское вліяніе проникаетъ даже туда. То же слово встрѣчаемъ также въ литовскомъ языкѣ, какъ *pons*; оно заимствовано. Форма *pan* не первична; этимологически она находится въ связи съ праславянскимъ *župan*, чѣмъ обозначало должностное лицо опредѣленнаго рода. Это слово сохранилось еще въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, гдѣ получило значенія разныхъ оттѣнковъ. Изъ него возникло въ западно-славянской области *pan*, а именно, въ посредствующей формѣ *hran*. Какъ образовалось оно, прямо ли отъ *župan*, или изъ предполагаемой второй формы *gran*, это спорный вопросъ, но этимологическое родство между *župan* и *hran* или *gran* несомнѣнно. Въ то время, когда въ чешскомъ языкѣ можно отмѣтить здѣсь переходную ступень, въ малорусской области это не имѣетъ болѣе мѣста. Тутъ имѣется просто панъ; это слово появляется здѣсь въ болѣе поздней формѣ, которая показываетъ, что оно проникло сюда подъ вліяніемъ западно-славянскихъ языковъ, а въ частности — польскаго.

Польское вліяніе обнаруживается здѣсь также въ цѣломъ рядѣ другихъ словъ; малорусскій словесный составъ перетравленъ вообще весьма сильно польскими словами. Въ великорусскомъ говорится *иной*, въ малорусскомъ часто — *иный*; это ничто другое, какъ сравнительная степень. Возьмемъ, напр., слово *нибы*; оно проникло въ малорусскій языкъ тоже изъ польскаго, точно такъ же, какъ *и нямъ* и т. д. Въ малорусскомъ языкѣ встрѣчаемъ цѣлый рядъ подобныхъ словъ.

Подъ конецъ XVIII в. начинается малорусскій элементъ замѣтно проявляться также и въ литературномъ отношеніи. Появляются памятники, литературныя произведенія, написанныя на употребляемомъ здѣсь нарѣччі, а именно, прежде всего на Украинѣ, въ Россіи. Основателемъ былъ Котля-

ревскій со своей „Энеидой“, которая является первымъ того рода произведеніемъ на малорусскомъ языкѣ. Имѣются, правда, также памятники болѣе стараго времени, которые показываютъ, что подобныя попытки имѣли уже мѣсто и нѣсколько раньше. Этотъ языкъ вводится затѣмъ все интенсивнѣе въ употребленіе, появляется все больше памятниковъ подобнаго рода, писателей, представившихъ вполне замѣчательныя произведенія, какъ, напр., Квѣтка Основьяненко. Затѣмъ слѣдуютъ отдѣльные извѣстные поэты, какъ, напр., Шевченко.

Однако, въ половинѣ прошлаго столѣтія центръ развитія этого языка былъ перенесенъ въ Галичину, такъ какъ въ Россіи это не было вполне возможно, въ Галичинѣ же, т. е. въ Австріи, могъ этотъ языкъ развиваться и развертываться дальше. Но здѣсь замѣчается у малорусскихъ писателей опредѣленное направленіе: они дѣлаютъ усиленныя попытки вытравлять отдѣльныя слова, существовавшія до тѣхъ поръ въ малорусскомъ языковомъ составѣ, и замѣнять ихъ другими, а именно, преимущественно польскими словами. Въ Галичинѣ это, конечно, понятно, такъ какъ, вѣдь, связь между польскимъ и малорусскимъ элементомъ здѣсь тѣсная, въ виду чего они и обратились прежде всего къ польскому языковому матеріалу. Это имѣло опредѣленную цѣль: малорусскимъ писателямъ прежде всего шло о томъ, чтобы показать, что ихъ языкъ самостоятеленъ, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ. Это они стремились выразить тоже и въ своихъ произведеніяхъ, а потому они прежде всего стали вытравлять всѣ слова, которыя встрѣчаются и въ русскомъ языкѣ, и замѣнять ихъ польскими. Ту-же тенденцію, которая распространяется все дальше, можно прослѣдить и въ „Вѣстникѣ державныхъ законовъ.“ Въ этомъ „Вѣстникѣ“ съ 1848 г. употребляются еще церковно-славянскія буквы и слова и это продолжается затѣмъ и дальше. У меня имѣется здѣсь примѣръ изъ „Вѣстника“ 1888 г. относительно закона объ обезпеченіи рабочихъ. Тутъ сказано въ заглавіи: въ державной думѣ; затѣмъ у меня есть номеръ отъ 1907 г., въ которомъ уже говорится: в раді державній, — слѣдовательно, слово дума уже устранено, такъ какъ оно находится и въ русскомъ языкѣ, а замѣнено словомъ рада, которое имѣется въ польскомъ. Точно такъ-же говорится еще въ „Вѣстникѣ“ 1888 г. издано, — а въ 1907 г. уже видано, значить, оиять-таки другое (польское) образованіе. Въ номерѣ отъ 1888 г. — за согласіемъ, въ 1907 г. уже за згодою, то-есть, просто принято польское zgoda.

Того рода тенденція во всякомъ случаѣ не можетъ быть признана правильной, такъ какъ языкъ подвергается опасности, что онъ, въ качествѣ литературнаго языка, просто не будетъ понятъ малоруссами на Украинѣ, потому что онъ не обладаетъ, вѣдь, такимъ количествомъ словъ, какъ мѣстныя слова, родственныя или тождественныя съ великорусскими. Противъ подобнаго образа дѣйствій поднимались уже предостерегающіе голоса; особенно слѣдовало бы вспомнить Ягича, который предостерегалъ передъ этимъ.²⁾ Въ статьѣ „Osteuropäische Literaturen und die slavischen Sprachen“, въ журналѣ „Die Kultur der Gegenwart“, изд. П. Гиннебергомъ, Берлинъ, 1908, стр. 18, — извѣстной публикаціи, — онъ выразился слѣдующимъ образомъ: „Въ настоящее время переживаетъ малорусскій языкъ въ Галичинѣ настоящій періодъ бури и натиска. Производимая почти съ лихорадочной стремительностью выработка его, даже примѣнительно къ отдаленнѣйшимъ областямъ прикладныхъ наукъ, прежде, чѣмъ налицо оказались крупные таланты для отдѣльныхъ специальностей, вызываетъ вопросы, удачное разрѣшеніе которыхъ не всегда легко. Языкъ нагружается слишкомъ поспѣшно безчисленными новообразованіями, подвергаясь опасности потери своей естественности и народности. Онъ удаляется все больше отъ безукоризненныхъ украинскихъ образцовъ. Стремленіе къ возможно сильному выраженію языковой индивидуальности и самостоятельности малорусскаго языка по отношенію къ великорусскому увлекаетъ нѣкоторыхъ писателей къ всевозможнымъ, искусственно, по польскимъ и нѣмецкимъ образцамъ, придуманнымъ новообразованіямъ, каковымъ дается преимущество передъ древнимъ общерусскимъ наслѣдіемъ, чтобы только создать что-то новое, отличное отъ великорусскаго языка. Подобныхъ крайностей, противорѣчащихъ правильно понятымъ интегесамъ естественнаго развитія малорусскаго языка, никоимъ образомъ нельзя одобрить“. Это слова проф. Ягича, подъ которыми я могъ-бы подписаться безусловно.

Нѣкоторые изъ малорусскихъ ученыхъ признаютъ это единство. Я могу здѣсь указать, напр., на проф. Колесу. Въ своей рѣчи въ парламентѣ отъ 8 іюня 1908 г. онъ призналъ принадлежность малорусскаго языка къ великорусскому; въ находящемся передо мною изданіи, стр. 371, онъ говоритъ: „Славянская вѣтвь распадается на три группы: во 1-хъ, южно-славянскую языковую группу (болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій языки), во 2-хъ, западно-славянскую языковую группу (польскій, чехо-словацкій и кашубскій языки) и въ 3-хъ, русскую или восточ-

но-славянскую языковую группу. Последняя обнимает: а) великорусско-бѣлорусскій языкъ и б) малорусскій (украинскій, рутенскій) языкъ. Эта восточно-славянская языковая группа образуетъ одно цѣлое не по отношенію къ каждому славянскому языку въ отдѣльности, а только по отношенію къ южно-славянской языковой группѣ, съ одной стороны, а къ западно-славянской языковой группѣ, съ другой, причемъ она тѣсно объединена нѣкоторыми внутренними чертами⁴. И такъ, онъ признаетъ, по крайней мѣрѣ, что это принадлежитъ къ одному цѣлому, къ русской языковой группѣ.³)

Другіе малорусскіе филологи отрицаютъ уже какую-нибудь связь съ великорусскимъ языкомъ вообще. Такъ, напр., читаль я въ 1913 г. малорусскую грамматику проф. Смалья-Стоцкаго, въ которой дѣлаются попытки доказать, что малорусскій языкъ вообще не имѣетъ ничего общаго съ великорусскимъ, причемъ онъ пытается привести его въ связь прежде всего съ южно-славянскимъ, а даже желалъ бы его просто отнести къ сербо-хорватскому, — начинаніе, которое филологически никакъ не можетъ быть оправдано. Я уже раньше отмѣтилъ отдѣльные признаки, которые этому противорѣчатъ. Конечно, кое-что встрѣчается такое, что напоминаетъ южно-славянскіе языки, — явленіе, которое наблюдается неоднократно въ случаѣ соприкасанія языковъ. Такъ, напр., въ данномъ случаѣ въ малорусскомъ нѣтъ смягченія согласной передъ е; въ то время, какъ въ великорусскомъ не произносится какъ нѣе, здѣсь звучитъ не, какъ и въ южно-славянскомъ, но это образовалось только съ теченіемъ времени. Имѣются древніе памятники XI вѣка, написанные вѣ всякаго сомнѣнія въ нынѣшней малорусской области, въ которыхъ мы замѣчаемъ, какъ, напр., въ Изборникѣ 1073 г., что писецъ смѣшивалъ не и нѣе. Послѣ н онъ писалъ ь, что явственно показываетъ, что онъ смягчалъ согласную, которая въ то время произносилась еще въ малорусскомъ языкѣ, какъ нѣе, и что это смягченіе съ теченіемъ времени затерялось. Данное сочиненіе Смалья-Стоцкаго встрѣтило съ многихъ сторонъ осужденіе за то, что въ немъ заключаются взгляды, которые обоснованы быть не могутъ.⁴)

Что касается отношенія того малорусскаго языка, на которомъ говорятъ въ Галичинѣ, къ украинскому языку, употребляемому въ Россіи, то, конечно, родство ихъ самое близкое. Даже тѣ самыя слова, которыя проникли сюда изъ польскаго, встрѣчаются въ изобиліи также и здѣсь, на Украинѣ, хотя въ Галичинѣ ихъ все-же больше; въ по-

слѣдней имѣется гораздо больше словъ съ польскаго, чѣмъ на Украинѣ. Поэтому все-таки замѣчается нѣкоторое разнорѣчіе. Слѣдуетъ отмѣтить также, что малорусскій языкъ на Украинѣ часто распадается на дальнѣйшіе говоры, которые, въ свою очередь, выказываютъ также различія, въ особенностях, напр., въ отношеніи *i*. Въ Галичинѣ *i* произносится, по большей части, какъ *e*, между тѣмъ, какъ въ украинскихъ говорахъ оно имѣетъ другое произношеніе.

Вотъ все, что въ общихъ чертахъ можно было-бы сказать объ этихъ отношеніяхъ. Можно-бы, конечно, привести гораздо больше признаковъ и матеріаловъ, но это завело-бы насъ слишкомъ далеко.

Докладчикъ: Каковъ-же результатъ экспертизы?

Д-ръ Вондракъ: Результатъ слѣдующій: малорусскій языкъ тѣсно связанъ съ великорусскимъ; онъ составлялъ съ нимъ, очевидно, одно языковое цѣлое, отраженія котораго проявляются еще и нынѣ. Съ теченіемъ времени, однако, въ малорусскомъ языкѣ, главнымъ образомъ — подъ польскимъ вліяніемъ, обнаружилось разбѣжное развитіе. Но не подъ однимъ только польскимъ вліяніемъ, — отдѣльныя черты развились сами собою, какъ, напр., переходъ *ѣ* въ *i*, — такъ что, благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, возникли все-таки довольно значительныя различія между малорусскимъ и великорусскимъ языками. Тѣмъ не менѣе, однако, эти различія далеко не таковы, чтобы можно было утверждать, что оба языка не связаны другъ съ другомъ, такъ какъ и нынѣ еще видно, что это вполне родственные языки, которые принадлежатъ одинъ къ другому.

Докладчикъ: Какой-же языкъ считается въ Россіи литературнымъ?

Д-ръ Вондракъ: Цѣлая русская языковая область раздѣляется на три главныя части: южную — малорусскую, затѣмъ сѣверо-западную или бѣлорусскую и великорусскую, которая составляетъ самую значительную часть. Всѣ они имѣютъ свои опредѣленные признаки. Великорусскій языкъ распадается, въ свою очередь, на двѣ крупныя группы: такъ наз. сѣверно-великорусскую и южно-великорусскую части. Они отличаются, напр., тѣмъ, что въ сѣверно-великорусскомъ языкѣ *о* передъ удареніемъ сохраняетъ свое произношеніе, какъ *о*, напр. в о д а́, между тѣмъ, какъ въ южно-великорусскомъ это *о* передъ удареніемъ произносится, какъ *а*: в а д а́. Это замѣчается особенно въ

Москвѣ. Что же касается литературнаго языка, то въ немъ наблюдаются черты, которыя въ своей совокупности не являются ни сѣверно-великорусскими, ни южно-великорусскими, такъ что онъ представляетъ компромиссъ между обѣими этими группами. И такъ, въ немъ осталось еще а, напр., в а д а, — это относится къ южно-великорусскимъ чертамъ; но отдѣльныя черты принадлежатъ къ сѣверно-великорусской группѣ, какъ, напр., отвердѣніе т въ окончаніи третьяго лица ед. числа: ведётъ, которое произносится просто, какъ т, — это характерная черта сѣверно-великорусскаго нарѣчія, — между тѣмъ, какъ въ южно-великорусскомъ это т смягчается: ведётъ; въ литературномъ же языкѣ сохранилось твердое произношеніе. Въ такомъ же родѣ имѣются здѣсь и другія черты изъ обѣихъ группъ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что русскій литературный языкъ является просто компромиссомъ изъ южно-великорусскаго нарѣчія, которое болѣе всего получило въ немъ выраженіе, — оно составляетъ московское нарѣчіе, — и сѣверно-великорусскаго, изъ котораго тоже проникли въ него нѣкоторыя черты.

Докладчикъ: И этотъ литературный языкъ распространяется вообще на все, что говорить по-русски, также и на малорусскую область?

Д-ръ Вондракъ: Да.

Докладчикъ: А существенно-ли отличается этотъ литературный языкъ отъ того русскаго языка, который употреблялся въ Австріи передъ обновленіемъ, о каковомъ говорить проф. Ягичъ?

Д-ръ Вондракъ: Есть діалектическія различія; нѣкоторыя изъ нихъ очень стары, какъ, напр., переходъ ѣ въ і, — это въ малорусскомъ языкѣ очень старая черта, которая не встрѣчается въ великорусскомъ, развѣ только въ нарѣчіяхъ крайнихъ сѣверно-западныхъ областей.

Докладчикъ: А какъ обстоитъ дѣло, чтобы представить это понятно для непосвященныхъ, съ возможностью пониманія между тѣми, кто употребляетъ литературный великорусскій языкъ, и тѣми, кто говоритъ на употребляемомъ въ Галичинѣ малорусскомъ языкѣ?

Д-ръ Вондракъ: Они могутъ понимать другъ друга. Отдѣльныя слова тѣ-же самыя. Всего они не поймутъ, но сущность содержанія поймутъ во всякомъ случаѣ.

Докладчикъ: А въ какой степени сдѣлался употребляемый въ Галичинѣ малорусскій языкъ литературнымъ вообще, или онъ не сдѣлался таковымъ?

Д-ръ Вондракъ: Первыя начала вышли изъ Украйны въ Россіи, тамъ появились первыя произведенія.

Докладчикъ: Котляревскій?

Д-ръ Вондракъ: Да. Произведенія, которыя были написаны по малорусски. Въ Россіи встрѣтились препятствія, но въ Австріи можно имъ было развиваться. Языкъ сталъ вырабатываться дальше, въ такомъ духѣ, какъ мы отмѣтили выше.

Докладчикъ: Это — мѣропріятія въ Россіи 1876 и 1881 гг.?

Д-ръ Вондракъ: Уже и раньше встрѣчались затрудненія. Отдѣльнымъ малорусскимъ писателямъ не разрѣшалось писать такъ, какъ они хотѣли, имъ приходилось въ Россіи часто бороться съ большими затрудненіями. Затѣмъ въ Россіи послѣдовали строгія мѣропріятія 70-хъ годовъ. Позже только обратились въ Петербургскую Академію Наукъ съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе, причемъ послѣднее, замѣчательнымъ образомъ, оказалось для малорусскаго языка довольно благопріятнымъ.⁵⁾ Въ этомъ мнѣніи была признана извѣстная самостоятельность малорусскаго языка. Однако, къ сожалѣнію, оно не было подписано проф. Соболевскимъ, который прежде всего долженъ-бы былъ принять во вниманіе, такъ какъ онъ является специалистомъ.⁶⁾ Имѣются, правда, подписи заслуженнаго изслѣдователя русскаго языка Шахматова и Фортунатова, но они неоднократно проводили взгляды, которые встрѣчаютъ возраженія, какъ, напр., въ послѣднее время Шахматовъ со своей кельтской теоріей.⁷⁾ На это мнѣніе Академіи часто ссылаются нынѣ, однако, какъ сказано, дѣло не совсѣмъ ясно, такъ какъ Соболевскій не принялъ въ немъ участія.

Докладчикъ: Такъ это не официальное заявленіе Академіи?

Д-ръ Вондракъ: Постольку официальное заявленіе, что вышло изъ Академіи.

Докладчикъ: Но не отъ того специалиста, который признается въ наукѣ компетентнымъ?

Д-ръ Вондракъ: Онъ не подписалъ этого мнѣнія.

Докладчикъ: Извѣстно-ли Вамъ, по какому поводу было затребовано это мнѣніе?

Д-ръ Вондракъ: Его потребовали въ виду того, что въ Россіи въ 70-хъ годахъ былъ изданъ строгій указъ противъ малорусскаго языка, послѣдствія котораго распространились затѣмъ дальше. Въ послѣднее же время оказалось желательнымъ какъ-нибудь получить большую

свободу дѣйствій и поэтому былъ предложенъ Академии запросъ объ ея мнѣнii.

Докладчикъ: Это было въ 1905 г.?

Д-ръ Вондракъ: Да.

Докладчикъ: Въ непосредственной связи съ украинскимъ политическимъ движенiемъ, съ русско-японской войной?

Д-ръ Вондракъ: Да.

Докладчикъ: Тутъ имѣется введенiе къ „Вѣстнику законовъ державныхъ“, а именно, первое, какое вообще появилось, а затѣмъ имѣемъ экземпляры изъ 1895 и 1896 гг. Годъ 1895 является, повидимому, концомъ стараго правописанiя, а 1896 годъ началомъ новаго. Можете ли Вы, господинъ профессоръ, удостовѣрить это? Дальше въ заголовкѣ перечислены языки, на которыхъ будетъ появляться этотъ „Вѣстникъ“. Въ нѣмецкомъ текстѣ сказано въ п. VI: „in ruthenischer Sprache“. Какъ это передано по малорусски — не могу разобрать.

Д-ръ Вондракъ: Тутъ сказано „ruskim“, — это и есть тоже новое правописанiе латинскими буквами.

Докладчикъ: Это этимологическое правописанiе?

Д-ръ Вондракъ: Это — церковно-славянское правописанiе, которое было въ то время въ употребленii. „Вѣстникъ“ изъ 1888 г. имѣлъ еще просто церковно-славянское правописанiе, какъ это было тогда вообще въ обиходѣ. Писалось **о**, которое произносилось, какъ **і**, также и **ѣ**, которое звучало, какъ **і**, — и это правописанiе было раньше всего отвергнуто на Украинѣ. Заслуга введенiя фонетическаго правописанiя принадлежитъ Кулиш^у); вмѣсто **ѣ** пишется **і**, точно также и **о** въ извѣстныхъ случаяхъ замѣнено посредствомъ **і**. То же произношенiе было и въ Галичинѣ, затѣмъ пошли еще дальше и пополнили еще это правописанiе; такъ, напр., вмѣсто **ѣ** было введено **і** съ двумя точками, но это уже только незначительныя измѣненiя.

Докладчикъ: Что значитъ „ruskim“ по нѣмецки?

Д-ръ Вондракъ: „Русскимъ“, здѣсь въ значенii „малорусскимъ“.

Докладчикъ: Имѣется въ русскомъ языкѣ выраженiе для „ruthenisch“?

Д-ръ Вондракъ: „Ruthenisch“, — новообразовавшееся выраженiе, — оно напоминаетъ „Rotrussland“ (Червонную Русь); вообще оно не употребляется, оно совершенно ново.

Докладчикъ: Тогда прошу Васъ, господинъ профессоръ, удостовѣрить по этимъ двумъ экземплярамъ, дѣйствительно-ли существовало еще въ 1895 г. старое этимологическое правописание?

Д-ръ Вондракъ: Это видно здѣсь совершенно ясно: такъ называемое „ять“ — ѣ, которое произносится, какъ і. Въ 1896 г. есть уже новое правописание: пишется уже і съ двумя точками, — это фонетическое правописание.

Докладчикъ: Извѣстно-ли Вамъ, господинъ профессоръ, что существуютъ болѣе древнія грамоты, въ особенности изъ времени раздѣла? Какъ говорилось тогда о восточной Галичинѣ, которая перешла къ Австріи?

Д-ръ Вондракъ: Историческія грамоты мнѣ неизвѣстны, этимъ я, конечно, не занимался; какіе технические термины имѣла страна, это у насъ меньше принимается во вниманіе.

Докладчикъ: Эти грамоты большей частью латинскія. Извѣстно-ли Вамъ выраженіе „*Russia rubra*“?

Д-ръ Вондракъ: Да, въ связи съ этимъ возникло названіе „*Rotrusland*“.

Докладчикъ: Можете-ли Вы сказать намъ что-нибудь о происхожденіи слова „*Ruthenen*“ и о времени его возникновенія?

Д-ръ Вондракъ: Это слово находится въ связи съ латинскимъ *rutilus*, т. е. *rot*, красный.

Докладчикъ: Такъ Вы полагаете, что оно находится въ связи со словомъ *rot*, красный? Не является-ли оно скорѣе отзвукомъ греческаго?

Д-ръ Вондракъ: Да, въ средніе вѣка, какъ извѣстно, латинскій и греческій языки соприкасались съ собою весьма близко.

Докладчикъ: Именно, заключающаяся въ данномъ словѣ буква *ʒ*?

Д-ръ Вондракъ: Да, это — вмѣсто *th*; но это встрѣчается также и въ латинскомъ языкѣ. Точно такъ же и замѣна *ʒ* посредствомъ *s* — греческая. Напр., въ греческомъ словѣ *ʒebos* произносилось *ʒ*, какъ *s*. Впрочемъ, все это вопросы древней филологіи. Имя Русъ происходитъ отъ норманъ. Первоначально было Росъ съ омегой (*ω*), которая произносилась, какъ *y*. Это происходитъ еще отъ норманъ, изъ варяжскихъ временъ.

Докладчикъ: Извѣстно-ли Вамъ, господинъ профессоръ, что это въ точности означаетъ? Нѣкоторые утверждаютъ, что это значитъ гребецъ.

Д-ръ Вондракъ: Да, это германское слово.

Докладчикъ: Какое географическое пространство обнимаетъ этнографическая карта, которую Вы имѣете здѣсь?

Д-ръ Вондракъ: Это нынѣшняя малорусская область. На югѣ составляетъ ея границу Черное Море, на востокѣ достигаетъ она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дона, идетъ по Дону вверхъ и поворачиваетъ на западъ немного южнѣ Курска, который находится еще на великорусской территоріи, идетъ затѣмъ къ сѣверо-востоку и поворачиваетъ довольно прямо на западъ, а именно, по рѣкѣ Припяти, доходитъ на западѣ до Бѣлой черезъ Перемышль, достигаетъ Сяна до Буга, гдѣ Сянъ поворачиваетъ къ западу, относительно-же къ югу, проходитъ затѣмъ дальше по Карпатамъ довольно далеко на западъ, а именно, гдѣ находится рѣка Попрадъ, заполняетъ здѣсь Карпаты, переходитъ затѣмъ въ Буковину и занимаетъ часть послѣдней. Тутъ-же есть еще кусокъ въ Бессарабіи, который перемежается съ румынами.

Докладчикъ: Можете ли указать намъ происхождение этой карты?

Д-ръ Вондракъ: Она принадлежитъ Нидерланде. Это — публикація, изданная Петербургской Академіей Наукъ въ составѣ „Энциклопедіи Скавянской Филологіи“.⁹⁾

Докладчикъ: Здѣсь есть также мнѣніе Гофрата Ягича объ одномъ письмѣ, поступившемъ на малорусскомъ языкѣ въ министерство, но этого письма здѣсь нѣтъ.¹⁰⁾

Военный прокуроръ: Вы сказали раньше, господинъ профессоръ, что въ малорусскій языкъ проникъ рядъ полонизмовъ. Является ли это естественнымъ историческимъ процессомъ, что въ случаѣ, если рядомъ живутъ два народа, которые говорятъ на разныхъ языкахъ, одинъ изъ этихъ языковъ перенимаетъ части другого?

Д-ръ Вондракъ: Да, безусловно. Это можно наблюдать во всѣхъ языкахъ. Не только отдѣльные слова, но также и произношеніе отдѣльныхъ звуковъ подвергаются тутъ воздѣйствію. Есть послѣдователи теоріи, что только такимъ образомъ и развились именно нарѣчія, что народы вышли изъ своей родины и вошли въ соприкосновеніе съ другими. Это безусловно совершенно вѣрно.

Прокуроръ: Я зналъ объ этомъ тоже, я хотѣлъ только получить подтвержденіе. Вы говорите тоже, господинъ профессоръ, что рѣшеніе вопроса о томъ, есть ли это особый языкъ, спорно?

Д-ръ Вондракъ: Да.

Прокуроръ: Тутъ имѣется нынѣшнее мнѣніе и мнѣніе Петербургской Академіи?

Д-ръ Вондракъ: Да.

Докладчикъ: Есть еще вопросъ?

Прокуроръ: Нѣтъ, благодарю Васъ.

Защитникъ д-ръ Рабенлехнеръ: Это правильно, какъ я слышалъ, что языки, на которыхъ говорить въ непосредственномъ сосѣдствѣ большія національныя группы, взаимно воздѣйствуютъ и должны воздѣйствовать другъ на друга. Это природное явленіе развитія. И развитіе это происходитъ не съ сегодняшняго дня на завтра, а также не съ 1895 г. на 1896 г. Поэтому я спрашиваю: является-ли это введеніе фонетическаго правописанія естественнымъ результатомъ развитія, или-же навязано оно искусственно?

Д-ръ Вондракъ: До извѣстной степени это правописаніе было разумно. Звуки передавались такъ, какъ ихъ произносили. Фонетическое правописаніе вообще представляетъ идеаль.¹²⁾

Д-ръ Рабенлехнеръ: Я спрашиваю: естественное или искусственное это явленіе?

Д-ръ Вондракъ: Фонетическое правописаніе всегда искусственно, если оно вводится вновь (напр., сербское правописаніе Вука Караджича).

Д-ръ Рабенлехнеръ: Если-бы это мнѣніе было правильно, то пришлось бы опрокинуть цѣлый англійскій языкъ, въ которомъ тоже гласныя пишутся иначе, чѣмъ онѣ произносятся.

Д-ръ Вондракъ: Само собой понятно, что можно возражать противъ англійскаго правописанія, но почему при этомъ долженъ быть опрокинутъ и самъ англійскій языкъ, мнѣ непонятно.

Д-ръ Рабенлехнеръ: Припомните, что много лѣтъ тому назадъ Лондонская Академія сдѣлала попытку тоже ввести фонетическое правописаніе, что вызвало протестъ цѣлаго народа, такъ какъ оно было продѣлано искусственно. Я спрашиваю: кто такой, по Вашимъ свѣдѣніямъ, тотъ, или кто такіе тѣ, что вводятъ или желаютъ ввести фонетическое правописаніе въ малорусскій языкъ? Это — ученые филологи или политическіе дѣятели?

Д-ръ Вондракъ: Въ первую очередь писатели, именно — Кулишъ; это былъ весьма разносторонній писатель. Дальнѣйшіе опыты были произведены отдѣльными лицами въ Галичинѣ, въ особенности-же въ Чернов-

цахъ, — но это уже только мелочи, а главное исходить собственно отъ Кулиша.

Д-ръ Рабенлехнеръ: Вы позволите, что я представлю Вамъ одинъ примѣръ. Какъ называется Львовъ по польски?

Д-ръ Вондракъ: Lwów.

Д-ръ Рабенлехнеръ: А по малорусски?

Д-ръ Вондракъ: Львівъ.

Д-ръ Рабенлехнеръ: А по великорусски?

Д-ръ Вондракъ: Львовъ.

Д-ръ Рабенлехнеръ: И такъ, въ трехъ славянскихъ языкахъ мы имѣемъ три разныхъ произношенія. А какъ пишется это слово по великорусски?

Д-ръ Вондракъ: Пишется посредствомъ о.

Д-ръ Рабенлехнеръ: По малорусски?

Д-ръ Вондракъ: Посредствомъ і.

Д-ръ Рабенлехнеръ: А по этимологическому правописанію?

Д-ръ Вондракъ: Слѣдовало-бы писать о.

Д-ръ Рабенлехнеръ: А по польски?

Д-ръ Вондракъ: О съ черточкой (ó).

Подсудимый д-ръ Марковъ: Господинъ экспертъ представилъ дѣло такъ ясно и вразумительно, что мнѣ не придется много спрашивать. Такъ какъ, однако, идетъ рѣчь о проф. Соболевскомъ и о такъ называемомъ мнѣніи Петербургской Академіи, то я прошу г-на докладчика распорядиться о доставленіи сюда изъ комнаты совѣщаній пакета, о которомъ г-нъ письменоводитель знаетъ. Я хотѣлъ-бы только установить записку проф. Соболевскаго.

Докладчикъ: Если-бы у меня была эта брошюра, то я уже представилъ-бы ее. Гдѣ она находится — мнѣ неизвѣстно.

Д-ръ Марковъ: Я приготовилъ для разбирательства пакетъ, въ которомъ, слава Богу, сохранился протестъ специалиста проф. Соболевскаго противъ такъ называемаго мнѣнія Петербургской Академіи.¹³⁾

Докладчикъ: Такъ это должно быть заявленіе Соболевскаго?

Докладчикъ: И такъ, все-таки удалось достать ту брошюру „Ukrainische und russische Sprache“ изъ конторы „Діла“, которая содержитъ отчетъ о мнѣніи Петербургской Академіи Наукъ.¹⁴⁾ Въ этой брошюрѣ говорится на стр. 11-ой

Такимъ образомъ, это, повидимому, болѣе психологическія, чѣмъ основанныя на языковыхъ данныхъ, соображенія. А вотъ пакетъ, о которомъ Вы упоминали. Что же Вы желаете?

Д-ръ Марковъ: Господинъ профессоръ, я позволю себѣ поставить Вамъ нѣсколько вопросовъ. Прежде всего я хотѣлъ-бы затронуть вопросъ о мнѣніи Петербургской Академіи. Эта записка, какъ это, впрочемъ, отмѣчено уже въ брошюрѣ, возникла по случаю отмѣны закона о печати въ Россіи во время революціи 1905 г. такимъ образомъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось въ этомъ отношеніи съ запросомъ...

Докладчикъ: Это не вопросъ, все это я уже прочелъ, это и намъ, и г-ну профессору извѣстно.

Д-ръ Марковъ: Эта записка подписана между прочимъ также зоологомъ Заленскимъ, ориенталистомъ Ольденбургомъ, ботаникомъ Фаминцынымъ и историкомъ Лаппо-Данилевскимъ. Вѣрно-ли то, что я сейчасъ утверждаю, что эта записка въ числѣ другихъ именъ имѣетъ также подписи зоолога, ориенталиста, ботаника и историка?

Д-ръ Вондракъ: Мнѣ извѣстно только, что подписаны лишь два филолога, которыхъ можно тутъ принять во вниманіе, то-есть, Фортунатовъ и Шахматовъ. Остальныя лица вообще далеки отъ нашего предмета.

Д-ръ Марковъ: А проф. Ягичъ состоитъ членомъ Петербургской Академіи?

Д-ръ Вондракъ: Состоитъ дѣйствительнымъ членомъ.

Д-ръ Марковъ: Извѣстно ли Вамъ, г-нъ профессоръ, что специалистами въ этой области являются: профессоръ исторіи русскаго языка и членъ Академіи Соболевскій и проф. Ламанскій?

Д-ръ Вондракъ: Этотъ послѣдній умеръ уже годъ тому назадъ.¹⁶⁾

Д-ръ Марковъ: Но это относится къ 1910 г. И такъ, вѣрно-ли это, что Ягичъ, Соболевскій и Ламанскій не подписали этого мнѣнія?

Докладчикъ: Это не дѣло эксперта; намъ не приходится судить о величинѣ того или другого ученаго. Впрочемъ, о проф. Ягичѣ г-нъ экспертъ уже говорилъ.

Д-ръ Марковъ: Извѣстно-ли Вамъ, г-нъ профессоръ, заявленіе проф. Соболевскаго отъ 10/III 1910 г.? Я просилъ-бы г-на переводчика, можетъ быть, перевести его.¹⁷⁾

Докладчикъ: Или вопросъ — или чтеніе, перепрыгиванія съ одного на другое не полагается. Процессъ имѣеть свой цѣльный порядокъ, сумятицы допустить не могу.

Д-ръ Марковъ: Въ этомъ протестѣ говорится, что цѣлая эта записка не касалась научно-языковѣдной стороны, а только ограниченной малорусскаго письменнаго слова, и что эта записка...

Докладчикъ: Желаете поставить вопросъ? Содержаніе не интересуеетъ насъ пока-что совершенно. Если г-на эксперта никто болѣе не желаетъ спрашивать, то онъ можетъ, вѣдь, удалиться и, можетъ быть, лучше употребить свое время, чѣмъ здѣсь. Г-нъ профессоръ, вѣдь, уже высказался въ томъ направленіи, что данное мнѣніе не подписано самымъ компетентнымъ знатокомъ, проф. Соболевскимъ, а всего только двумя филологами, что онъ не считаетъ этого мнѣнія неоспоримымъ, но придерживается другого взгляда, чѣмъ это мнѣніе. Это все г-нъ профессоръ уже сказалъ.

Д-ръ Марковъ: Я хотѣлъ бы спросить, сдѣлался-ли Вамъ извѣстнымъ этотъ протестъ отъ 10/III 1910 г?

Д-ръ Вондракъ: Этимъ я не интересовался; я знакомъ съ трудами проф. Соболевскаго, такъ что онъ не могъ-бы сказать мнѣ ничего новаго.

Защитникъ д-ръ Рабенлехнеръ: Я предложу, чтобы это было прочитано.

Докладчикъ: Это будетъ, конечно, сдѣлано.

Д-ръ Вондракъ: Я знаю, какого взгляда придерживается Соболевскій.

Д-ръ Марковъ: Во всякомъ случаѣ Вы, г-нъ профессоръ, считаете, что это заключеніе является только мнѣніемъ двухъ ученыхъ.

Докладчикъ: Г-нъ профессоръ уже сказалъ, что, хотя это и официальное мнѣніе Академіи, но ученые не считаютъ его для себя обязательнымъ.¹⁸⁾

Д-ръ Вондракъ: Именно такъ.

Переводчикъ Зильберштейнъ чатаеетъ нѣмецкій переводъ письма проф. Соболевскаго.¹⁹⁾

Д-ръ Марковъ: Вы говорили, г-нъ профессоръ, о тѣсномъ единствѣ малоруссовъ и великоруссовъ и обобщности языка. Я хотѣлъ-бы еще спросить, стоятъ-ли на этой Вашей точкѣ зрѣнія также и другіе австрійскіе ученые?

Д-ръ Вондракъ: Да, напр., проф. Ягичъ придерживается такой-же самой точки зрѣнія. Точно такъ-

же въ Прагѣ проф. Пастрнекъ²⁰⁾, насколько можно заключать по его трудамъ, а также проф. Нидерле, который занимается славянскими древностями и написалъ объ этомъ большое сочиненіе²¹⁾; они являются представителями того-же взгляда.

Д-ръ Марковъ: А заграничные, напр., французскіе ученые?

Д-ръ Вондракъ: Леже, но онъ въ новѣйшее время не считается компетентнымъ.²²⁾ Во всякомъ случаѣ также Мелье, который, однако, не интересовался отношеніями отдѣльныхъ языковъ между собою; онъ занимается больше церковно-славянскимъ языкомъ.²³⁾

Д-ръ Марковъ: А Рамбо?

Д-ръ Вондракъ: Въ нашей области онъ не особенно входитъ въ расчетъ.²⁴⁾

Д-ръ Марковъ: Вы сказали, что языки расколотись рано. Вѣрно-ли то, о чемъ я читалъ въ статьѣ проф. Корша изъ 1911 г., будто-бы еще въ XIV в. не было ни слѣда распаденія между нарѣчіями русскаго народа?²⁵⁾

Д-ръ Вондракъ: Это совершенно невѣрно. Уже въ XI в. замѣчаются явственныя діалектическія слѣды.

Д-ръ Марковъ: Вы отмѣтили здѣсь, что раздѣленіе произошло во время Котляревскаго и Шевченка. Это раздѣленіе относится только къ области изящной литературы?

Д-ръ Вондракъ: Да.

Д-ръ Марковъ: Имѣетъ-ли такъ наз. украинская литература такую терминологію, что ея хватитъ уже также и для научной области?

Д-ръ Вондракъ: Нѣтъ, научная терминологія пока еще не готова.

Д-ръ Марковъ: Вы выдвинули имена двухъ малорусскихъ ученыхъ, Смаля-Стоцкаго, состоящаго одновременно депутатомъ, и другого депутата, Колессы. А извѣстны Вамъ имена Калужняцкаго, Головацкаго и Петрушевича? Калужняцкій — именно специалистъ и профессоръ Черновецкаго университета.

Д-ръ Вондракъ: Да, онъ уже умеръ.²⁶⁾

Д-ръ Марковъ: А Головацкій, одинъ изъ лучшихъ этнографовъ,²⁷⁾ и Петрушевичъ, происходящій тоже изъ Галичины.²⁸⁾ Здѣсь говорилось о Кулишѣ, который дѣйствовалъ въ области изящной литературы и, въ частности, драмы, и который ввелъ эту фонетику. Извѣстно-ли Вамъ, что онъ былъ у насъ въ 80-хъ годахъ

и издавалъ не беллетристическія вещи и драмы, а политическія брошюры и газеты? ²⁹⁾

Д-ръ Вондракъ: Такъ далеко я не слѣжу за дѣятельностью отдѣльныхъ ученыхъ.

Д-ръ Марковъ: Вы ссылались здѣсь относительно неологизмовъ и искусственнаго образованія языка на проф. Ягича и цитировали его въ томъ направленіи, что эти люди слишкомъ поспѣшно и искусственно куютъ новый языкъ. Извѣстень-ли Вамъ знаменитый старый писатель, Иванъ Нечуй-Левицкій изъ Южной Россіи? Онъ написалъ въ 1913 г. сочиненіе „Криве зеркало украинской мовы“, въ которомъ онъ выступилъ противъ этихъ новообразованій, а въ особенности противъ галицко-украинской литературы. ³⁰⁾ Извѣстно-ли Вамъ это?

Д-ръ Вондракъ: Да. Поднимались также другіе голоса изъ Украины, которые протестовали противъ этого, а со временемъ подобное противодѣйствіе будетъ, вѣроятно, еще сильнѣе.

Д-ръ Марковъ: Извѣстна-ли Вамъ переписка между профессоромъ здѣшняго университета гофр. Миклошичемъ и Погодинымъ? Кто такой былъ Погодинъ? ³¹⁾

Д-ръ Вондракъ: Погодинъ былъ извѣстный славистъ, писавшій много въ области славяновѣдѣнія и издавшій нѣкоторые памятники. Но его взгляды не всегда были правильны. Оказалось, что многое, чтó онъ утверждалъ, въ особенности о происхожденіи кириллицы и глаголицы, неправильно.

Д-ръ Марковъ: Я хотѣлъ-бы лишь знать, былъ-ли этотъ Погодинъ, жившій въ 50-хъ годахъ, ученый или политическій дѣятель?

Д-ръ Вондракъ: Я знаю его только, какъ ученаго.

Подсудимый д-ръ Черлюнчакевичъ: ³²⁾ Мнѣ кажется, что г. д-ръ Марковъ прежде не закончилъ своего вопроса, а потому я хотѣлъ-бы его пополнить. Вы признали, г-нь профессоръ, что Вы знаете Калужняцкаго, Головацкаго и Петрушевича, но при этомъ не было сказано, какихъ взглядовъ они придерживались? Того-же ли они мнѣнія, что и Ягичъ?

Д-ръ Вондракъ: Какъ думали отдѣльныя лица, я сейчасъ, конечно, припомнить не могу, да это и не идетъ, впрочемъ, въ расчетъ, потому что по данному вопросу было выражено столько мнѣній, что ихъ можно просто

только свести по группамъ. Сопоставлять ихъ всѣ завело-бы слишкомъ далеко.

Подсудимый Янчевецкій: Въ Вашемъ отвѣтѣ, г-нъ профессоръ, было одно важное противорѣчіе. Вы сказали на основаніи заключеній проф. Ягича, что во время „бури и натиска“ былъ введенъ искусственный языкъ.

Д-ръ Вондракъ: Языкъ подвергся измѣненіямъ и были введены новыя выраженія.

Янчевецкій: Однако, военный прокуроръ сказалъ, что это не искусственный, а историческій языкъ.

Д-ръ Вондракъ: Что народъ принимаетъ, если народъ заимствуетъ слова, то это естественный процессъ; если это, однако, дѣлаетъ какой-нибудь ученый, если онъ вводитъ новыя выраженія, неупотребляемыя народомъ, то я-бы это призналъ неправильнымъ. Но то, что дѣлаетъ народъ, совершенно природно.

Янчевецкій: А нынѣшній языкъ украинской интеллигенціи искусственный или природный?

Д-ръ Вондракъ: Отчасти этотъ малорусскій языкъ искусственный, такъ какъ, именно, имъ были восприняты выраженія, которыя не были необходимы и которыхъ народъ не употребляетъ, какъ свои. Настолько этотъ языкъ искусственный.

Янчевецкій: Съ какихъ поръ употребляется выраженіе „рутенскій“ вмѣсто „галицко-русскій“ или „червонно-русскій“?

Д-ръ Вондракъ: Когда оно впервые появилось, не могу въ точности припомнить. Это вопросъ, на который скорѣе могъ-бы отвѣтить историкъ, такъ какъ тутъ подлежить разсмотрѣнію, что нужно понимать подъ „рутенами“ вообще? Это довольно относительное понятіе. Для насъ это второстепенный вопросъ, такъ какъ мы этимъ занимаемся меньше.³³⁾

Янчевецкій: А въ европейской наукѣ употребляется выраженіе „рутенскій“ вмѣсто „галицко-русскій“?

Д-ръ Вондракъ: Отчасти, но подъ нимъ понимаютъ скорѣе малоруссы изъ Южной Россіи.

Янчевецкій: Извѣстно-ли Вамъ, что мы, русскіе, если хотимъ назвать себя по-латыни, называемъ себя только „Rutheni“?³⁴⁾

Д-ръ Вондракъ: Да, это случается.

Предсѣдатель: Больше нѣтъ никакихъ вопросовъ? Такъ благодарю Васъ, господинъ профессоръ.

